

Стоит упомянуть, что Дева Цзюнь и её так называемые кузены и дяди не связаны кровными узами — родство есть лишь с её дедом по матери, Гу. Бедняга и вправду несчастен.

Что до холодности Девы Цзюнь по отношению к Ли Чжао, то это лишь маскировка внутреннего волнения, да и причины тому сложные.

Итак.

Чтобы не дать ещё не оправившейся Ли Чжао бродить где попало, Вань Цзюнь последние дни, кроме времени на сон, не отходила от неё ни на шаг, а приготовление лекарств и вовсе поручила Ляо, чем изрядно досадила той самой женщине из Великой Пустыни.

Но сегодня пришлось сделать исключение. Снаружи вдруг стих ветер, воцарилась тишина, и снежные птицы закружились низко — верная примета надвигающейся метели, а ещё знак, что приближается нынешний Праздник Снега.

Как объяснила Ляо, снежный народ видит в метели небесное предостережение. Перед её началом все собираются в Храме Снежного Бога, чтобы внимать наставлениям Богини Снега и с чистым сердцем молиться небесам и духам Снежной горы о мире и благополучии в грядущем году.

После молитвы все рассаживаются кругом, а Богиня Снега занимает место в центре. Затем каждый по очереди преклоняет колени перед ней, чтобы раскаяться в грехах за прошедший год и обнажить свою истинную сущность — будь то добро или зло. Остальные внимательно слушают.

Когда обряд покаяния завершён, все, кроме Богини Снега, обнимают кающегося в знак понимания, а Богиня Снега целует его в лоб — это знак прощения духов.

После того как все совершат покаяние, если метель ещё не утихла, последователи Тайного учения и Культа Снежного Бога по очереди читают священные тексты, очищая души собравшихся, и так до самого конца бури.

Поскольку неизвестно, когда метель закончится, снежный народ заранее убирает в домах и готовится к шквальному ветру и снегопаду, чтобы жилища не оказались погребены под снегом.

Также нужно заготовить достаточно еды и всего необходимого для обряда: воды из Божественного источника, Светоснежных камней, снежных трав и прочего. Да и праздничные товары к Новому году стоит купить у караванов, пока те ещё не ушли, так что перед метелью у священнослужителей дел невпроворот.

Измерив Ли Чжао пульс, Вань Цзюнь собралась готовить лекарство. На прощание она велела ей не сходить с места и получила послушный кивок. Однако она знала: стоит задержаться подольше — и та непременно явится сама, а не явится, так пошлёт Чжоу-гуна.

От этой мысли Вань Цзюнь стало и грустно, и тепло одновременно. На губах невольно дрогнула улыбка, но тут же она почувствовала, что так нельзя, и сердце её сжалось от горечи и смятения.

С мрачным лицом она направилась в аптеку. Лишь запах лекарственных трав вернул её к действительности. Разжав сведённые брови, она принялась выбирать травы, а мысли невольно возвращались к болезни Ли Чжао.

Болезнь снежного холода и впрямь странная. Казалось бы, ничего особенного, но не проходит, то и дело возвращаясь, бросая то в жар, то в холод. Серьёзной угрозы нет, но мучения причиняет немалые.

Вань Цзюньи спрашивала у Ляо, в чём причина, но та и сама не знала. «Обычно после жаропонижающего снадобья за день всё проходит, — сказала она. — А тут такие колебания. Возможно, это новая хворь». Но что это за хворь — непонятно, особенно после утраты «Записей Сюэшэньинь», где могли быть рецепты от многих диковинных недугов.

Однако Ляо указала путь: обратиться к Богине Снега. Но Праздник Снега на носу, а Богиня Снега пребывает в уединении, очищая дух. Ляо сказала, что, когда та выйдет, она устроит встречу, а пока можно лишь сдерживать болезнь хорошими снадобьями.

Тихо вздохнув, Вань Цзюньи привычно отобрала нужные травы и отнесла их в помещение для варки.

Глядя на пляшущие языки пламени, она вспомнила ещё одну причину для беспокойства.

Дедушка...

Лицо деда покрыто тёмными пятнами, дыхание слабое, сам он худ и немощен, будто свеча на ветру. А с такой семьёй, пожалуй, и вовсе жить осталось недолго. Она хотела помочь ему и, вернувшись в Храм Снежного Бога, попросила Ляо о содействии.

Но Ляо ответила: «Что посеешь, то и пожнёшь. Если кто-то вмешается в чужую карму, последствия будут лишь горше — пострадают и тот, и другой. Так что всё зависит от его собственной судьбы».

Вань Цзюньи, изучавшая буддийские учения, и сама это понимала. Но сердце не хотело мириться, ей так хотелось попытаться помочь... Впрочем, она не стала настаивать, лишь предупредила Ляо быть осторожней с той семьёй: в их доме, кажется, кто-то прячется, и не один.

Видимо, Ляо прислушалась, потому что в последние дни в Храм Снежного Бога то и дело наведывались люди в тёмных одеяниях. Зачем — неизвестно.

Да и ещё одна вещь не давала покоя...

Пока мысли её витали где-то далеко, огонь в печи потихоньку угас.

Подняв горшок со снадобьем, Вань Цзюньи собралась уходить, но шаги её были лёгкими и неуверенными — ум всё ещё блуждал.

Открывая дверь, она краем глаза заметила промелькнувшую тень. Вихрь воздуха заставил её ресницы дрогнуть.

Очнувшись, она обернулась. Тень пошатнулась, развернулась и решительно направилась к ней.

Вань Цзюньи слегка приподняла тонкую бровь. Холодный взгляд упал на уже подошедшую женщину из Великой Пустыни — Мелусу.

— В чём дело? — спросила она.

Мелуса, не меня свирепого выражения, бросила лишь одну фразу:

— Бери свою жену и пошли за мной.

Услышав слово «жена», Вань Цзюньи нахмурилась, а щёки её невесть почему покрылись румянцем. Она открыла рот, желая объясниться, но Мелуса уже удалялась, так что пришлось промолчать и последовать за ней.

Всю дорогу это слово словно камень прилипло к подошвам, причиняя неудобство, но почему-то не вызывая отвращения.

Увидев Ли Чжао и услышав её «Дева Цзюнь», она вдруг замерла, и её потянуло развернуться и уйти. Однако она сдержала порыв, лишь лицо стало ещё холоднее.

Ли Чжао удивилась. Последние дни Дева Цзюнь была с ней так нежна! И сама она вела себя примерно, ничего такого не делала. Почему же, выйдя ненадолго, та снова стала холодной? Взглянув на свирепствующую за дверью бестию, она всё поняла: это всё она натворила!

И гневно уставилась на Мелусу.

Поймав этот враждебный взгляд, Мелуса, и без того злившаяся из-за того, что её невеста вечно занята, вспыхнула как порох и тут же ответила взглядом, полным такой ярости, будто она была голодной леопардовой кошкой.

Ли Чжао не отступала, тайно собирая всю свою решимость в глазах, хотя смотрелась скорее как взъерошенный щенок.

Вань Цзюньи, уже поставившая горшок и собравшаяся с мыслями, оглянулась и увидела, как «кошка и собака» уставились друг на друга, накаляя атмосферу до предела, что было попросту...

Смешно.

Сдерживая улыбку, Вань Цзюньи встала между ними, заслонив Ли Чжао от взгляда Мелусы, и повернулась к ней. Хотя она и хотела сохранить дистанцию, но, встретив её ясный, тёплый и полный ожидания взгляд, не смогла устоять.

Тихо молвила:

— Пойдём со мной.

Услышав это, Ли Чжао моргнула, и лицо её тут же озарила улыбка.

— Хорошо! — отозвалась она, быстро натянула обувь и шубу и через мгновение уже стояла перед Девой Цзюнь с глуповатой улыбкой, нежно глядя на неё и ожидая, когда та тронется с места.

Смущённая этим взглядом, Вань Цзюньи поспешно отвернулась и направилась к выходу.

Мелуса, ещё когда те «нежничали», воротила нос и, прислонившись к стене, уставилась в потолок. Увидев, что они выходят, она без лишних слов повела их.

Вскоре они оказались у нефритовых ворот.

Для Ли Чжао и Вань Цзюньи это был уже второй визит, но чувства их разительно отличались от прежних.

Ли Чжао радовалась, ведь Дева Цзюнь уже не казалась такой несчастной.

А Вань Цзюнь переживала смешанные чувства, ведь, оказавшись здесь, она вспомнила слова Богини Снега: «Если чужеземцы придут на Снежную гору, они уйдут с закатом». Она должна была вновь погрузиться в печаль, но из-за недавних событий сердце её оставалось равнодушным. Так нельзя...

Невритовые ворота вскоре распахнулись служители, и, что бы они ни думали, пришлось войти. Мелуса же осталась снаружи.

Когда ворота закрылись, Ли Чжао и Вань Цзюнь без труда нашли Богиню Снега и уселись перед ней.

Богиня Снега сидела с закрытыми глазами перед изваянием Снежного Бога, и ни радости, ни печали на лице её не было.

Через некоторое время она открыла очи, и словно лёд внезапно растаял — одна лишь улыбка развеяла всё напряжение в сердцах сидящих перед ней.

— Я уже выслушала Ляо. Великая Цин, подойдите, пожалуйста, — голос её звучал приглушённо, но в нём чувствовалась сила, способная объять сотни рек.

Услышав это, Ли Чжао не сразу двинулась, а взглянула на Деву Цзюнь.

— На меня чего смотрите? — та слегка прикрыла глаза и холодно молвила.

— М-м... — Ли Чжао и сама не знала, но поняла, что Дева Цзюнь велит ей «иди быстрее», так что поднялась, подошла и снова села.

Богиня Снега, всё понимая, лишь улыбнулась и не стала ничего говорить.

<http://bllate.org/book/16264/1464093>